УДК 130.2

ПАРАДОКСЫ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Л.Л. Штуден
Новосибирский университет
экономики и управления
shtuden@mail.ru

В статье раскрываются следующие связи: интересы жизни и обыденное сознание, житейская «норма», обыденное сознание и цивилизация. Оторванность обыденного сознания от архетипической сферы, полная его подчинённость господствующим в социуме стереотипам мышления и поведения. Характеризуется тип обывателя, его конформизм, полная подчинённость инстинкту самосохранения. Рассматриваются следующие парадоксальные свойства сознания этого типа:

– несмотря на присущую обыденному сознанию рациональность, оно в экстремальных ситуациях демонстрирует стихийность и иррациональность;

– обыденное сознание мнит себя целостным, – тем не менее, оно сумбурно и разорвано;

– обыватель, чьей заботой является всегда сохранение внутренней стабильности и душевного комфорта, всегда стоит перед угрозой крушения своей модели мира, что, как правило, оборачивается для него моральной катастрофой.

Причина всех бед этого типа сознания – отрыв от Истока, фактическая безрелигиозность.

Ключевые слова: обыденность, прагматизм, здравый смысл, цивилизация, соблазн, равновесие, польза, конформизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-13-21

Обыденность есть рутинное, внешне безопасное состояние жизни, в котором человек как биологическое и социальное существо способен «нормально» существовать. По логике этого определения, за гранью обыденности оказывается все, что нарушает житейское равновесие индивида: из ряда вон выходящие ситуации, катастрофы, резкая смена стереотипа жизни и т. п. Не может считаться обыденностью война, концлагерь, революция, вообще насилие над людьми в любых его видах. Яркая радость (крупный выигрыш в лотерею, например) – также вне обыденности: это просто другая разновидность стресса. Суть обыденности – гарантированная безопасность для жизни, пусть нелегкой и полной трудов, но предсказуемой и устойчивой.

Описанного выше состояния человек достигает только с помощью средств цивилизации. Триумф цивилизации всегда означает триумф обыденности. Ур, Вавилон, Александрия, Рим, Константинополь – это, в сущности, олицетворение разных форм обыденности, предваряющих закат великих культур.

Обыденное сознание в его массовом варианте – одновременно стандартный продукт и деятельный творец обыденности. Оно процветает во времена, когда социум уже давно утратил доминанту пламенной религиозности (или, как сказал бы Питирим Сорокин, *идеационную фазу* своей культуры).

К сознанию этого типа не следует относиться иронически, ведь это одно из наиболее распространенных (нормальных, если угодно) состояний сознания, свойственное так или иначе почти всем цивилизованным людям. Гурджиев называл его «сном

наяву», индусы – царством иллюзий. Мистики третируют его как почву для профанного мышления, закрывающего дорогу подлинному знанию. Не отрицая крупиц истины, которые содержатся в трактовках подобного рода, мы постараемся, однако, избежать пренебрежительных интонаций в разговоре об обыденном сознании, потому что – повторяем – оно так или иначе касается нас всех. Бродить по пояс в болоте, конечно, не легко и не всегда приятно. Но это не чужое, это – *наше* болото. Будем же терпеливы, изучая его.

Обыденное сознание отличается рядом характерных свойств. Во-первых, оно любит ясность, достоверность, определенность. Оно чурается всего потустороннего и таинственного. Религию в лучшем случае оно воспринимает как свод обиходных правил, но уж от мистики держится всегда на безопасном расстоянии. Очевидность и здравый смысл четкими буквами начертаны на его знаменах. В сознании этого типа нет глубинных измерений; оно всегда «на плоскости». Обыватель (субъект обыденного сознания) может не подозревать, что очевидность на самом деле неочевидна, а «здравый смысл» обманывает простодушных с ловкостью опытного шулера… Ему это невозможно объяснить, потому что здравый смысл целиком и полностью отвечает единственно важной задаче обывателя – задаче выживания.

Здравый смысл никогда не выше жизни. Он всегда прагматичен, всегда неотделим от понятия «пользы». И все, что̀ сознательно делает обыватель, он делает именно ради пользы. В этом великий смысл его существования – работника, гражданина, отца семейства. Так что пока цивилизация существует – она существует именно трудами и заботами носителей обыденного сознания. Монахи, революционеры, герои не могут быть цивилизованными людьми.

Делать что-то *для пользы* – значит решать конкретные, достижимые задачи. Уже поэтому обыденное сознание довольно далеко отстоит от проблем «эволюции» (эволюционирует лишь сознание, устремленное к цели, которую достичь нельзя).

Другая важнейшая характеристика обыденного сознания – опора на инстинкт самосохранения. Равновесие сознания этого типа зиждется на том, что человек не успокоится, пока не поставит себя в условия, при которых он может уже не бояться за свою безопасность. Отсюда и конформизм, неизбежный у обывателя. К сильной власти он всегда лоялен, ведь он искренне полагает, будто сильная власть в обмен на лояльность обязательно позаботится о его защите! Это, конечно, не означает, что среди обывателей живут сплошные приспособленцы и трусы. Просто государство для обывателя есть система, органической частью которой он себя чувствует, а значит, *из соображений пользы* он должен вести себя *системно* по отношению к нему.

Есть ли у обыденного сознания враги? Сколько угодно. Все как один они покушаются на его такими трудами добытое ощущение психологического комфорта. Вот, например, совесть. Очень коварный враг. То и дело повторяется ситуация, когда совесть обывателя вдруг начинает бесчинствовать и требует ради благого дела принести в жертву самое святое: инстинкт самосохранения!.. Но на то и существует дипломатическое искусство ума, способного договориться с совестью на самом высоком уровне, а заодно объяснить и оправдать что угодно, полностью сохранив душевное равновесие.

Опять-таки это не значит, что обыватели все сплошь бесчестные люди. Нет, они стремятся быть порядочными и честными настолько, насколько им разрешает их здравый смысл. Более того, с их житейской добросовестностью они используют любую реальную возможность сохранить порядочность! Не их вина, что такая возможность предоставляется не всегда.

Обыденное сознание, как и любое другое, не лишено парадоксов.

Парадокс № 1: несмотря на ясность, объяснимость, очевидность всего и вся, т. е. присущую обыденному сознанию рациональность, оно то и дело демонстрирует стихийность и иррациональность. Дело здесь, как нам представляется, в том, что обыденное сознание, которое дотошно и внимательно изучает все видимое вовне, – нимало не интересуется самим собой, своими бессознательными глубинами. Для обывателя их вроде бы нет вообще[1]. Относительно самого себя он пребывает в уверенности полного самосознания и самоконтроля. И когда бессознательное, о котором он ничего не хочет знать, вдруг прорывается наружу, – это воспринимается почти как взрыв бомбы, кем-то подложенной ему за пазуху. Обуреваемый страстями, он слишком поздно обнаруживает, что находится в самом центре бешеного потока, а вовсе не наблюдает за ним с безопасного берега… Со всеми своими житейскими расчетами и любовью к здравому смыслу он здесь оказывается не только стихийным, но и неразумным существом. Хуже того, его стихийность никогда не бывает в гармонии с миром. Количество глупостей, которые он способен натворить в подобных ситуациях, поражает его самого.

Парадокс № 2: обыденное сознание мнит себя целостным, на самом деле оно сумбурно и разорвано. Лишь решение какой-либо конкретной задачи заставляет его собраться и вести себя последовательно. Но решение житейских проблем всегда ситуативно, к тому же большинство из них (стирка, поездка в автобусе, рыбалка, кухня и т. п.) предусматривают некий набор автоматических операций, мобилизации сознания не требующих. Человек их выполняет «на автопилоте», и в это время его психика по сути дела остается без всякого контроля, что и сказывается на сознании обывателя самым неблагоприятным образом. Это какой-то мутно-хаотический поток мыслей, фантазий, опасений, невесть откуда вдруг всплывающих воспоминаний, навязчиво повторяющихся обрывков мелодий, вспыхивающих обид, чего угодно, – поток, бурлящий в полном беспорядке и так же далекий от Божественного Истока, как загрязненная нефтью, топляком и мусором вода в устье большой реки – от лесного родника, её породившего. Обыденное сознание «спасает» лишь необходимость снова и снова решать конкретные жизненные задачи. С праздными же людьми оно иногда делает страшные вещи, но об этом речь впереди.

Парадокс № 3: сознание этого типа как будто стремится к постоянству и утверждает его. Но оно не располагает средствами для *сохранения* постоянства (этими средствами распоряжается только духовная практика). В результате оно подвержено частым – как правило, стихийным – переменам, а временами и вовсе перестает быть обыденным. Обыватель то и дело отрекается от самого себя. Вот здесь-то, на миг забытья или даже надолго, он может стать художником,

[1] К. Юнг: «То, что включает в себя “Я” – это лишь самая малая часть того, что должно было бы осмыслить в себе совершенное сознание» [4, с. 277]. См. также «спектр сознания» по К. Уилберу [2, с. 70–92].

страстным влюбленным, мучеником Идеи, провидцем, даже героем, он сам этому поражается с восхищением… Чаще всего это происходит с ним в часы больших испытаний, когда безопасная почва обыденности вдруг начинает уплывать из-под его ног.

Воистину сознание этого типа – неоднородно, многослойно и, вообще говоря, способно на многое, хотя и кажется, на поверхностный взгляд, однотонным и плоским. Оно бывает открыто любви, научному энтузиазму, искусству, любому серьезному увлечению.

Тяжесть испытаний имеет странное свойство *приподнимать* человека над его буднями. Но удержаться – там, на высоте, в небе – значит забыть о *пользе*, а это невероятно трудно для обывателя. Земное тяготение пересиливает. «Взлетевший» (по забывчивости? по ошибке?) плюхается снова на землю. Он и сам понимает неизбежность этого: ну что ему делать в неуютном холодном пространстве? Он подобен виртуальной частице, вынырнувшей на мгновение из физического вакуума, чтобы снова и без следа в нем исчезнуть.

Сказанного как будто бы достаточно для того, чтобы мы убедились: обыденное сознание, лозунгом которого является устойчивость, на самом деле **сущностно неустойчиво**. Теперь же мы обратимся к главным аргументам, высвечивающим механизм этой нестабильности.

Одна из главных опор сознания – тот образ мира, который человек творит для себя с помощью работы понимания[2]. Каков же образ мира, долженствующий организовать сознание обывателя? Он – не что иное, как результат *конвенции* – общественного согласия по поводу порядка вещей и организующих его законов. Или, что часто бывает, результат чьей-то хорошо налаженной пропаганды.

Обыватель – идеальный исполнитель. Он аккуратен и нормативен, как противопожарная инструкция. Картина мира отнюдь не завоевана его собственным пониманием. Она внушена, заучена, затвержена. Она – прямая детерминанта культуры, его породившей, и ничего больше. Единственная инициатива обывателя в этом понимании – то упрямство, с которым он отстаивает даже явно обветшавшие мифы. Это упрямство не диктуется, конечно, ни осознанием, ни логикой. Оно сродни инстинкту самозащиты, ибо обыватель достоверно чувствует, что если рухнет его картина мира – рухнет он сам. (Именно такой тип поведения во многих случаях демонстрировали после горбачевской перестройки бывшие советские партработники, сознание которых было некогда консолидировано вокруг «идеалов коммунизма»).

Итак: непрочной и зыбкой оказывается сама концептуальная основа обыденного сознания (если она есть вообще!). Заимствованное знание никогда не бывает прочным. Обыватель всегда стоит перед угрозой крушения своей модели мира, а для него это нешуточное событие, ведь эта модель есть на самом деле его убежище, уютный его дом, безопасная нора, а вовсе не этап в долгой цепи поиска… Так что с крушением своей прежней картины мира он теряет не «модель» – он теряет этот свой безопасный угол; теперь он погорелец, он обречен странствовать с протянутой рукой по чужому отныне, холодному, неприютному, непонятному ему миру.

Мы столько говорили о фактической нестабильности обыденного сознания, что пора уже определить главную, фундаментальную ее причину. На наш взгляд, она

[2] Подробно об этом см.: [3, с. 147–148].

заключается *в отрыве обыденного сознания от Истока, в его фактической безрелигиозности.* Обыватель может «как все» посещать храм (он многое делает «как все»), но суть не в этом. Духовно он бесконечно далек от Истока жизни, хотя и, безусловно, предан самой жизни. Не зная Творца, он почитает творение настолько, что перемены или катаклизмы, происходящие в недрах этого творения, для него вырастают в масштаб Страшных и Последних катастроф. То же самое касается личной жизни. Неудивительно, что обыденное сознание – здесь исключений просто не бывает – в сильнейшей степени подвержено стрессам. Психика обывателя изнашивается, она не знает другой опоры, кроме непрочной и временной безопасности Мира Дольнего; подспудный и безотчётный страх (совсем не беспочвенный: опора *обязательно* будет потеряна!) – преследует его всю сознательную жизнь. К старости обыденное сознание мутнеет, зашлаковывается, зацикливается, делается больным, унылым, не восприимчивым к радости.

И это ещё не самое худшее, что может с ним произойти. Зацикливание – всего лишь остановка, но пока ещё не срыв в бездну. Настоящая опасность подстерегает, как обычно, там, откуда её не ждёшь.

Обыденное сознание, поскольку оно оберегает жизнь, хорошо «работает» на животных инстинктах. Инстинкт самосохранения, инстинкт агрессии, инстинкт продолжения рода, – всё это своевременно используется в обыденной жизни (разумеется, в рамках соответствующей культуры). Всё идёт благополучно, пока обыватель с головой занят полезными трудами. Ритм его работы сам по себе диктует разумную умеренность всех инстинктивных проявлений, этот механизм действует точно так же, как в живой природе: всему свое время и свое место. Обыватель не будет участвовать в оргиях, ему не придет в голову терроризировать беззащитных граждан, он будет работать, «вкалывать», нормально производить детей, довольствоваться маленькими радостями жизни… Ритм будней тяжел, но чист. Инстинкт самосохранения, главный для обывателя, ведет его к культурно обусловленному, нормативно выверенному поведению.

Но представим себе обывателя, у которого баланс между рабочим и свободным временем резко нарушен или, что еще страшней, рабочего времени нет совсем, есть только свободное. Развитая цивилизация дает такую возможность для многих и многих… Мы здесь не будем говорить о бомжах, бродягах, подзаборных пьянчугах и нищих; их образ жизни резко отличается от обыденного, эти пауперы на жизнь социума в целом не влияют. Но российские чиновники? Дети состоятельных родителей? «Золотая молодежь» больших городов? Во многих семьях есть взрослые люди, паразитирующие на своих ближайших родственниках, этих людей мы встречаем на каждом шагу. В Древнем Риме был многочисленный класс так называемых пролетариев, разорившихся мелких земледельцев, толпами стекавшихся на улицы Вечного города; их подкармливали государственные мужи, покупавшие голоса «свободных» (от всякого дела) римских граждан. Знаменитый лозунг «Хлеба и зрелищ!», звучавший над кровавыми аренами римских цирков, был некогда исторгнут глóтками именно этих разнузданных паразитов.

Что происходит с такими людьми? Какой тип сознания обнаруживает их жизненная философия, образ жизни, внешнее поведение?

Свободное время – нешуточное испытание для любого цивилизованного человека, тем более для обывателя. Животное в этой ситуации спит или играет. Человек, который во всем ищет смысл, должен его найти и в использовании свободного времени. Хорошо, если у него имеется страсть к какому-то делу: коллекционированию, путешествиям или чему-то другому. Если нет – свободное время вынуждает обывателя жить чистой действительностью сознания (созерцанием, например), но этому он не научен. Свободное время ставит его в тупик. Иногда оно становится просто смертельным врагом, поскольку превращает Стремление в неопределенную тоску, заставляет размышлять о том, в чем страшно самому себе признаваться, вынуждает томиться от неисполненного желания, которое, того гляди, может вдруг стать роковым…

Как всякого смертельного врага, свободное время надо *убить*, чем и занимается большинство цивилизованных людей в состоянии полной незанятости. Способы убийства весьма разнообразны, нет смысла их перечислять, но в них есть нечто общее: *убивая свое свободное время, человек убивает себя.*

Это происходит не только потому, что теряется шанс к Постижению (обыватель теряет его в любом случае). Главная опасность в том, что работа инстинктов в режиме свободного времени у человека резко нарушается. Удовлетворение любого инстинкта связано с чувством физического удовольствия. Но удовольствие в нормальных природных условиях – это лишь поощрение за действия, способствующие жизни. Самостоятельного значения оно не имеет. Человек все способен поставить с ног на голову: у него чувственное удовольствие из средства превращается в цель.

Вот почему, в частности, время, свободное от работы, обыватель стремится использовать для получения удовольствий прежде всего. Возможности свободного времени он представляет себе как шанс «словить кайф», что на деле означает использовать механизм удовлетворения инстинкта уже не на поддержание жизни, а для наслаждения как такового, наслаждения как единственной формы радости, доступной пониманию обывателя. В результате естественный механизм инстинкта оказывается непоправимо нарушен. Энергия темных глубин психики, которая в нем задействована, теперь уже не находится под контролем естественных жизненных ритмов. Она вырывается из всех границ. Чревоугодие, эротомания, алчность, неконтролируемая агрессия, вредные привычки любого рода, от алкоголя до наркотиков, – все это начинает разрушать не только тело, но и душу.

Обыденное сознание (отдадим ему должное) хорошо видит опасность, приходящую извне. Но может ли оно так же бдительно и так же зорко следить за опасностью, подстерегающей человека изнутри, со стороны подсознания? Нет, здесь оно демонстрирует свою полную беспомощность. Подсознание не входит в компетенцию «здравого смысла». На этом уровне человек может стать игрушкой любых своих слабостей и любых страстей; для защиты от них ему не хватит духовного зрения и даже сил, так как на уровне обыденности энергии духа хватает лишь для простого воспроизводства жизни. Вот почему этот тип сознания есть всегда грань между нормой и падением, равновесие с очень сомнительными гарантиями надежности.

Бездны бессознательного – вот та область, где этот тип сознания утрачивает

лучшее, на что он способен: свою охранительную функцию. Инстинкты самосохранения обывателя перестают работать как раз там, где они были бы нужней всего – в моменты соблазна. Соблазн имеет власть над обыденным сознанием по трем причинам. Во-первых, потому что т.н. «маленькие радости жизни» ни в чем не противоречат обыденным интересам, а граница, за которой они становятся катализаторами опасных желаний, невидима и неощутима. Во-вторых, для преодоления даже самого примитивного соблазна нужна свободная энергия. Как мы уже отмечали, обыденное сознание не располагает ею в достаточной мере. И, наконец, в-третьих, обыденное сознание ничего не может противопоставить соблазну: для этого нужны были бы сверхжизненные идеалы, но ведь кроме общепринятых истин обыватель ничем другим не располагает в своей повседневной практике. Истины им затвержены, но не получены в результате его собственной духовной работы. Против таких истин легко можно грешить. Здесь подвергается опасности самое ценное, что реально может отстаивать обыватель: стабильность его повседневного бытия… Он и пытается – до последнего – отстоять ее.

Но до каких пор? Только до тех пор, пока он способен следовать интуитивной стратегии самоограничения. Если же в самой бытовой практике возникают силы, разрушающие эту стратегию[3], – «рядовому» обывателю решительно нечего им противопоставить. Это могла бы сделать религиозная культура («декалог» Моисея – не предупреждение ли, не напоминание ли Свыше об опасности сознанию цивилизованного обывателя?)… Но этот голос, такой тихий и такой проникновенный, в гордом и победительном грохоте современных городов – потерян, далек и уже почти неслышим.

* * *

Суммируем сказанное.

Обыденное сознание *несамостоятельно*; это – ментальный слепок с тех внешних обстоятельств жизни, внутри которых оно существует. Знаменитая марксистская формула «Бытие определяет сознание» в этом случае подходит как нельзя лучше. Вряд ли будет большим преувеличением, если мы скажем, что «устройство» обыденного сознания в точности повторяет устройство самой цивилизации. Оно рационально, нормативно, предусмотрительно, прагматично, консервативно, озабочено конкретным делом, исполнено благих намерений. Оно *функционально*. Это и есть способ его равновесия. Все, что мешает функциональности, тем самым угрожает равновесию.

Цивилизация есть особым образом устроенная машина, и обыденное сознание существует как ходовая часть этой машины. Оно «выращено» для работы этой машины. Оно обеспечивает работу. Функциональная обусловленность (активная деятельность на благо обыденной жизни) позволяет этому типу сознания на какое-то время гарантировать и поддерживать «нормативное» состояние психики. Но предоставленное самому себе, наедине с неизвестностью и загадками мироздания оно пасует, теряет ориентиры, становится игрушкой сил, не подвластных его контролю и его пониманию[4].

Обыденность как таковая существует целиком – для жизни, внутри жизни, сред-

[3] В данном случае речь идет о так называемой «дионисийской» стихии в психике [5, с. 178–190].

[4] В особых случаях ситуация может кончиться «одержанием», т. е. маниакальной подчиненностью архетипу, принявшему в сознании индивида облик демона [1, с. 231].

ствами жизни. Все находящееся за пределами жизни кажется сознанию обывателя бесполезным и не сто́ящим внимания. Здесь кроется еще один (вероятно, самый существенный) парадокс обыденного сознания: **тотальная забота о жизни закрывает путь к Источнику жизни.** В силу этого оно не стремится к новизне – чуткое к инстинкту опасности, оно видит риск в самом познании и… бесконечно повторяет само себя. Оно мыслит тем, *что* в нем уже есть, превращая себя в замкнутый лабиринт самоотражения. Неведомое для него – синоним угрозы! Чужая истина – агрессор от которого надо держаться подальше (еще лучше – уничтожить).

Обыденное сознание всячески и тщательно себя огораживает. Оно существует внутри этих искусственных границ, отделяющих его от подсознания и сверхсознания, – двух бездн, где гнездится опасная неизвестность… Отсюда и подсознательный страх, отсюда и угроза потери равновесия, которая в любой момент может обернуться *реальным* падением.

Обыватель аккуратно обутой ногой ступает по твердой, хорошо утоптанной почве. Всегда к видимой, практически необходимой, полезной, достижимой цели. И всегда – рядом с пропастью.

Литература

1. *Гроф С.* Области человеческого бессознательного. – М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 1994. – 265 с.

2. *Уилбер К.* Око духа. – М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2002. – 476 с.

3. *Штуден Л.Л.* Кризис сознания как феномен культуры. – Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 1999. – 251 с.

4. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 330 с.

5. *Юнг К.Г.* Психологические типы. – СПб.: Ювента, 1995. – 716 с.

THE PARADOXES OF CONSCIOUSNESS

L.L. Shtuden
Novosibirsk State University
of Economics and Management
shtuden@mail.ru

The article reveals the following relations: interests of life and everyday consciousness, everyday "norm" of living, everyday consciousness and civilization, the isolation of consciousness from the archetypal realm, its full subordination to the dominant in the society stereotypes of thinking and behavior. The average man is characterized in the paper as well as his conformism and full obedience to the instinct of self-preservation. The following paradoxical characteristics of consciousness of this type are considered:

– despite inherent rationality in ordinary consciousness, in extreme situations it demonstrates spontaneity and irrationality;

– everyday consciousness imagines itself to be integral, however, it is messy and torn;

– Everyman, whose care is always the preservation of internal stability and peace of mind, always faces the threat of a collapse of his model of the world that, as a rule, turns to his moral catastrophe.

The cause of all troubles of this type of consciousness is the separation from the Source, the actual nonreligiousness.

Keywords: ordinary reality, pragmatism, common sense, civilization, temptation, balance, benefits, conformism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-13-21

References

1. Grof S. *Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo* [Areas of human unconscious]. Moscow: Institute of Transpersonal Psychology Publ., 1994. 265 s.

2. Uilber K. *Oko duha* [Eye of the spirit]. – Moscow: Institute of Transpersonal Psychology Publ., 2002. 476 s.

3. Shtuden L.L. *Krizis soznanija kak fenomen kul'tury* [A crisis of consciousness as a Cultural Phenomenon]. – Novosibirsk: NSAEM Publ., 1999. 251 s.

4. Jung K.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [The problem of the soul of our time]. – Moscow: Progress-Univers Publ., 1993. 330 s.

5. Jung K.G. *Psihologicheskie tipy* [Psychological Types]. – SPb.: Juventa Publ., 1995. 716 s.